

МОЯ ЖИЗНЬ В НАУКЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ФЕДОРА ВЛАДИМИРОВИЧА СОЛОВЬЕВА

Ф. В. СОЛОВЬЕВ

Восточный институт

В 1899 г. во Владивостоке был создан Восточный институт, который положил начало становлению востоковедения и высшего образования на Дальнем Востоке России. До этого только при Петроградском университете существовал восточный факультет, который готовил специалистов для работы в странах Дальнего Востока — Китае, Японии, Монголии и Корее. Преподавательский состав там в Петрограде, кроме подготовки студентов занимался переводом и комментариями исторической литературы стран Востока, но такая сугубо теоретическая работа, видимо, не устраивала царское правительство.

Сейчас трудно сказать, что послужило основной причиной такого неординарного события, как создание Восточного института во Владивостоке. Однако, судя по международной обстановке, сложившейся здесь к концу XIX в., можно предположить, что институт неплохо вписывался в замысел российского

правительства о расширении и усилении влияния России в Китае и подведомственных ему территориях — в Маньчжурии и Корее. Этим планам мешала японская экспансия в Маньчжурии, стремление японцев установить протекторат над Кореей. Строительством КВЖД, ЮМЖД, арендой южноманьчжурских незамерзающих портов Дальнего и Порт-Артура, а также учреждением миссии в Сеуле правительство пыталось укрепить свои позиции. Учитывая все это, можно утверждать, что создание Восточного института во Владивостоке было хорошо спланированным мероприятием российских властей.

Перед институтом стояла задача подготовки кадров для практической работы в дальневосточных странах. Учились здесь не только специалисты для Министерства иностранных дел, бизнесмены и управленцы хозяйственных учреждений КВЖД и других отраслей, но и офицеры русской армии. Интересы российского капитала предполагалось защитить не силой оружия, как это пыталась сделать Япония, а цивилизованным путем, по примеру западных держав. Вскоре институт стал центром подготовки квалифицированных кадров для работы во внешнеторговых и государственных учреждениях России за рубежом.

В нем собрался профессиональный коллектив российских востоковедов: Дмитрий Матвеевич Позднеев, Апполинарий Васильевич Рудаков, Николай Васильевич Кюнер, Александр Васильевич Гребенщиков и многие другие, создавшие серию уникальных научных трудов по истории, экономике и культуре зарубежных стран Дальнего Востока — Китая, Японии и Кореи. На этих трудах, издававшихся в «Известиях Восточного института», училось последующее поколение выпускников востфака ДВГУ 1920—1939 гг. Труды до сих пор не утратили своей научной и познавательной ценности. Однако в начале XX в., особенно после Октябрьской революции в России, международная обстановка на Дальнем Востоке резко обострилась, и некоторые государственные деятели посчитали, что Восточный институт здесь не нужен, и закрыли. Но такое поспешное решение было неоправданным, поскольку управление КВЖД оставалось за Россией, и советское правительство понимало необходимость дальнейшего заселения и экономического освоения обширных земель Дальнего Востока. Кроме того, оно стремилось развивать и расширять свои отношения с Китаем и другими странами. Для проведения этой политики требовались высококвалифицированные кадры.

Восточный факультет ГДУ (ДВГУ)

В 1920 г. на базе бывшего Восточного института во Владивостоке был создан Государственный Дальневосточный университет (ГДУ). В 30-е годы в его состав входило три факультета — химический, физико-математический и восточный. Восточный факультет являлся основным, приоритетным. В первые годы его существования сюда принимались люди, командированные партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями. Студенты этого факультета получали повышенную стипендию, размещались в благоустроенных общежитиях, факультет занимал большую часть учебного здания и хорошо оборудованные аудитории. Все общественные и партийную организацию университета возглавляли студенты восточного факультета. Таким образом, ГДУ и его востфак стали преемниками бывшего Восточного института, а факультет, где проходила подготовка китаистов и японистов — приоритетным подразделением университета.

Преподавательский состав ГДУ частично состоял из профессоров Восточного института, а также из молодых специалистов, окончивших восточные факультеты университетов Москвы и Ленинграда. Теорию китайского языка преподавал бывший ректор Восточного института Апполинарий Васильевич Рудаков, историю стран Дальнего Востока в первые годы читал профессор Николай Васильевич Кюнер. Затем постепенно их сменили молодые преподаватели, прибывшие из центра. Л.Д. Позднеева читала курс истории китайской литературы на китайском отделении; Лариса Васильевна Симоновская — историю Китая и факультативно курс всеобщей истории. На японском отделении японский язык преподавали Юркевич, Сыромятников; доценты Константин Андреевич Харнский и Александр Владимирович Маракуев читали историю Японии и стран Востока. Хотя востфак ГДУ просуществовал недолго, он внес огромный вклад в развитие востоковедческой науки на Дальнем Востоке и в России.

Моя учеба проходила уже в ДВГУ в 1934—1939 гг. На Восточный факультет я поступил по путевке Шамаковского райкома ВЛКСМ и после сдачи экзаменов в 1934 г. был зачислен на китайское отделение (ежегодно на востфак набирали более 50 студентов).

Я выбрал китайское направление, поскольку в те годы в Приморском крае проживали более 30 тыс. китайцев и я, работая на лесозаводе, был с некоторыми из них знаком. Российско-китайские отношения имели более чем 300-летнюю историю, а тысячекилометровая протяженность советско-китайской границы предполагала дальнейшее их развитие. Кроме того, советское правительство всегда доброжелательно относилось к Китаю. Немаловажным фактором было и то, что в Китае, начиная с 1925 г., довольно широко и успешно развивалось революционное движение под руководством КПК. Это тоже предполагало расширение советско-китайских отношений, а значит, после окончания китайского отделения востфака ДВГУ я мог устроиться на работу во внешне-торговые и другие организации, имевшие связи с Китаем. В ДВГУ было несколько студенческих общежитий, и меня поселили в то, которое находилось по ул. Ленинской в доме 23 (ныне магазин «Зеленые кирпичики»). В эти годы у меня сложились дружеские отношения с Николаем Табачко, который поступил на японское отделение. Стипендии были невелики, и многие студенты подрабатывали грузчиками в рыбном порту на мысе Чуркин. На втором курсе я уже совмещал учебу и работу в вечерней средней школе, где преподавал историю литературы. На 3-ем курсе меня избрали председателем профкома ДВГУ, им я был до окончания учебы. При университете существовала военная кафедра, где студенты нашего факультета проходили вневоинсковую подготовку, после которой нам присваивали воинское звание старшего лейтенанта. В армию и на флот после окончания ДВГУ выпускники призывались в звании офицеров.

Довольно широкий профиль подготовки студентов востфака ДВГУ давал возможность после окончания вуза работать на ответственных должностях не только в Советском Союзе, но и за рубежом — в посольствах и консульствах МИД СССР. Многие из студентов, окончивших в 30-е годы востфак ДВГУ, впоследствии стали видными учеными и общественно-политическими деятелями. Так, например, Михаил Иосифович Сладковский, член-корр. АН СССР, подготовил и опубликовал ряд трудов по истории советско-китайских торгово-экономических отношений, экономике и культуре Китая, много лет являлся представителем Наркомвнешторга СССР в Китае и до конца своей жизни был директором Института Дальнего Востока АН СССР (Москва). Доктор исторических наук, профессор Геннадий Васильевич Астафьев длительное время работал в аппарате консульства СССР в Китае (провинция Синьцзян), впоследствии стал заместителем директора по науке Института Дальнего Востока АН СССР. Он написал историю интервенции иностранных держав в Китае и ряд других актуальных трудов по Китаю. Василий Яковлевич Сидихменов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР создал ряд фундаментальных работ по истории и культуре Китая, обычаям и нравам китайцев.

Последний выпуск студентов университета состоялся в 1939 г. ДВГУ закрывался по решению правительства секретарем ЦК КПСС А.А. Ждановым.

Основной причиной закрытия вуза, по заявлению А.А. Жданова, являлся недостаток средств. Студентов младших курсов отправляли доучиваться в другие университеты страны. Учебное здание ДВГУ заняло управление КГБ по Приморскому краю. Огромный библиотечный фонд в 1,3 млн. томов частично был отправлен в Москву, Ленинград, Алма-Ату и другие города. Однако большую часть книг китайского издания, вывезенных Апполинарием Васильевичем Рудаковым во время ихэтуаньского восстания (1899—1901 гг.) в Китае из города Шэньяня, сожгли зимой 1939 г., чтобы отопить здание ТИПРО. Так уникальная библиотека востфака ДВГУ была практически уничтожена.

В 1939 г. последними выпускниками ДВГУ были 5 китаистов: Данила Волков, Соня Ситнюк, Рудольф Вяткин, Лидия Попова и я, Федор Соловьев, 12 японистов (Иван Защицайло, Петр Зырянов, Павел Паламарчук, Геннадий Микитчук, Василий Ковыженко, Виктор Купаржанов, Анатолий Романенко, Вера Руденко, после замужества в 1940 г. ставшая Соловьевой, Петр Сергеев, Садовенко, Николай Табачко и Федор Шевелев). Судьбу последних выпускников востфака ДВГУ определило предвоенное состояние страны.

Служба в армии

На душе у каждого из нас было беспокойно. С одной стороны, мы радовались окончанию учебы, с другой — тревожила неизвестность. Я знал, что многих моих сверстников-японистов еще до окончания университета взяли на действительную военную службу в разведку штаба ТОФ, где они получали неплохое жалованье. В то время существовала реальная угроза нападения на Советский Союз милитаристской Японии, и японисты были крайне необходимы, особенно в армии как переводчики. Китаисты оказались в меньшем спросе. Но мне все же предлагали службу в разведке ТОФ. Вначале я отказался, желая устроиться на работу в гражданскую организацию.

Однако обстановка в стране оставалась сложной, только что завершилась на Западе советско-финская война, нарастала реальная угроза большой войны с фашистской Германией.

В этих условиях советское правительство принимало срочные меры по укреплению безопасности страны. Проводилась переподготовка командных кадров запаса, на военную службу призывались все окончившие вузы молодые специалисты, прошедшие высшую вневойсковую военную подготовку. В июне 1939 г. я принял предложение разведотдела штаба ТОФ добровольно пойти служить в разведку флота, был зачислен оперативным сотрудником агентурного отделения разведки штаба ТОФ. В то время несколько выпускников востфака ДВГУ уже там работали, в том числе Николай Самуилович Табачко и Вера Антоновна Руденко (Соловьева).

С началом второй мировой войны некоторые из выпускников востфака ДВГУ прошли кратковременную подготовку для работы в загранучреждениях СССР и были отправлены в страны Дальнего Востока — Китай (Маньчжурию), Корею и Японию. Я с семьей (женой и дочерью) направлялся в Корею в качестве секретаря генерального консульства СССР в городе Сеуле (с 1942 г. до окончания войны в августе 1945 г.), в Северо-Восточный Китай, где работал секретарем советского консульства в г. Маньчжурии. Служил также советником в штабе 1-го Забайкальского фронта под командованием Родиона Яковлевича Малиновского.

Семья Волковых отбыла в Китай, Защищайло, Сергеев с семьями работали в аппарате посольства СССР в Токио, Николай Табачко (и тоже с семьей) получил направление в г. Дальний (Дайрен), где исполнял обязанности начальника отдела кадров порта и т.д. Некоторые из учившихся со мной студентов во время войны служили в погранвойсках на Камчатке и Курильских островах. Вяткин преподавал китайский язык на курсах военных переводчиков в г. Канске, затем работал старшим научным сотрудником в отделе Китая Института востоковедения АН СССР (г. Москва). Попова преподавала китайский язык в Институте международных отношений АН СССР (Москва), Ковыженко попал в аппарат ЦК КПСС в качестве заведующего сектором Японии и т.д.

После окончания войны в 1946 г. моя жена демобилизовалась из армии, а я продолжал службу на Тихоокеанском флоте до 31 декабря 1960 г. во Владивостоке.

Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР

После увольнения с военной службы передо мной встала задача устройства на работу. В это время в филиале Сибирского отделения Академии наук во Владивостоке формировались новые научно-исследовательские институты, и я устроился переводчиком китайского языка в Институт геологии. Вскоре председатель ДВ филиала СО АН СССР член.-корр. АН СССР Александр Степанович Хоментовский предложил мне должность заведующего отделом кадров и аспирантуры Дальневосточного филиала. Хотя она меня не устраивала, я счел ее первым шагом к переходу в науку. Мне хотелось работать в Отделе истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока СССР, который в то время возглавлял Андрей Иванович Крушанов. В 1961 г. т.е. вскоре после перехода на работу заведующего отделом кадров и аспирантуры я попросил председателя филиала Александра Степановича Хоментовского перевести меня в Отдел истории, и с его согласия вскоре был назначен туда младшим научным сотрудником.

Кроме того, в течение двух лет на старших курсах китайского отделения филологического факультета я преподавал теорию и практику перевода с китайского на русский язык. В свое время бывший ректор ДВГУ Борис Николаевич Казанский предлагал мне возглавить восточное отделение, но я, не имея тогда ученой степени, отказался.

Становление востоковедения в системе ДВНЦ АН СССР

Работая в Отделе истории ДВ филиала СО АН СССР, я создал группу социально-экономической информации по странам зарубежного Востока (Китай, Японии и Кореи). Наша группа издавала информационные бюллетени по этим странам. В 1968 г. я завершил исследование «История образования китайской топонимики в Приморье (вторая половина XIX — начало XX в.)» и успешно защитил его, получив ученую степень кандидата исторических наук.

В 1971 г. ДВ филиал СО АН СССР был преобразован в Дальневосточный научный центр АН СССР, а Отдел истории — в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Работая здесь, я получил возможность создать отдел истории и культуры зарубежных стран Дальнего Востока.

Этому способствовало следующее обстоятельство: в одной из поездок в Японию председателя президиума Верховного Совета СССР Анастаса Ивановича Микояна в сопровождении первого секретаря Приморского крайкома КПСС Василия Ефимовича Чернышова выяснилось, что в Японии в тот период насчитывалось более 40 научных центров по изучению России и, напротив, на Дальнем Востоке СССР — ни одной подобной крупной структуры. Данное положение было обсуждено на партийной конференции г. Владивостока.

Большое содействие созданию востоковедческого подразделения в системе Академии наук на Дальнем Востоке оказали директор Института востоковедения АН СССР академик Бабоджан Гафурович Гафуров, директор Института Дальнего Востока АН СССР член.-корр. АН СССР Михаил Иосифович Сладковский, академик Сергей Леонидович Тихвинский и другие известные ученые-востоковеды, а также первый секретарь Приморского крайкома КПСС Дмитрий Николаевич Гагаров, секретари по идеологии.

На выделенные через ЦК КПСС специальным назначением вакансии были приняты на работу в отдел истории и культуры зарубежных стран Дальнего Востока выпускники восточного отделения филфака ДВГУ китайцы и японисты: Зоя Моргун, Галина Каретина, Геннадий Ткаченко, Галина Романова, Нэлли Гридина, Галина Сухачева, Лариса Забровская, Надежда Василенко, Владимир Нам, Наталья Лебедева, Александр Петров, Николай Рябченко, Борис Афонин, Владимир Кожевников, Наталья Кузьменко, Лидия Головачева (выпускница ЛГУ), Галина Захарова, Геннадий Белоглазов, Виктор Гайкин и другие. Задача состояла в том, чтобы из этих молодых востоковедов подготовить дипломированных ученых, кандидатов и докторов наук. Для этого я договорился с головными институтами Москвы — Институтом Дальнего Востока АН СССР и Институтом востоковедения АН СССР, чтобы они открыли вакансии для наших молодых сотрудников в своих аспирантурах. Мне пошли навстречу, и многие востоковеды обучались в очной или заочной аспирантурах с последующей защитой кандидатских диссертаций в г. Москве. Несколько кандидатов наук я подготовил самостоятельно.

Для сочетания теоретической подготовки и практической целесообразности наш отдел истории и культуры зарубежных стран Дальнего Востока взял для разработки две научные темы «История Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) XVII—XX в.» и «История острова Хоккайдо XVII—XX в.». В последующие годы на ученом совете Института истории я предложил разделить отделы истории и культуры зарубежных стран Дальнего Востока на два самостоятельных сектора: сектор истории и культуры Китая и сектор истории и культуры Японии. Это обуславливалось необходимостью приблизить научную разработку тем к организационным формам и дать возможность сотрудникам и аспирантам увязать свои кандидатские диссертации с планом научной работы Института истории. Директор института академик Андрей Иванович Крушанов и ученый совет согласились с моим предложением, так было образовано два востоковедческих сектора. Сектор истории и культуры Китая по-прежнему возглавлял я, сектор истории и культуры Японии возглавил кандидат исторических наук Виктор Георгиевич Щебеньков, впоследствии защитивший докторскую диссертацию.

В начале 1980 г. я завершил исследование темы «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма 1861—1917 гг.» и успешно защитил докторскую диссертацию, получив ученую степень доктора исторических наук.

Секторы Китая и Японии нашего института за сравнительно короткий срок сумели подготовить двух докторов и более 10 кандидатов наук. По научному потенциалу востоковедческие секторы института заняли лидирующее положение. Но хотел бы упомянуть и о том, что мои усилия добиться создания на базе наших восточных секторов (через отдел науки ЦК КПСС) нового научно-исследовательского института востоковедческого профиля увенчались успехом. Президиум ДВНЦ АН СССР получил указание АН СССР создать такой институт, для чего целевым назначением было выделено 50 вакансий. Однако руководство Института истории посчитало, что с уходом востоковедческих подразделений институту будет сложно функционировать, поэтому Востоковедческий научно-исследовательский институт при ДВНЦ АН СССР не был создан, а полученные под него вакансии научных сотрудников использовались для других целей.

Подготовка и публикация научных трудов

За 29 лет работы в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока мною написано и опубликовано около 100 научных работ. Наиболее значительными из них являются монографические труды: «Китайские отходники и их географические названия в Приморье». «Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока»; «Китайское отходничество на Дальнем Востоке в эпоху капитализма (1861—1917 гг.)».

Под моей редакцией (участвовал и как автор) подготовлены и опубликованы две книги по истории Маньчжурии: «История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн.1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX вв.)». Кн.2. Северо-Восточный Китай. 1917—1949 гг.». Библиографические указатели по истории Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. на русском и иностранных языках, изданные во Владивостоке и Москве; «Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.: Справочник». «Порты стран Тихоокеанского бассейна. Кн.3. Китай. «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.—февр. 1917 г.)». Несколько трудов было выпущено издательством «Наука», в Москве.

Работа над историей Северо-Восточного Китая шла параллельно с подготовкой научных кадров, т.е. научные интересы у нас сочетались с практической работой. Помимо опубликованных в 80-е годы двух книг по истории Северо-Восточного Китая, практически была готова и третья книга, но по политическим соображениям ее в то время не издали. Руководство ДВНЦ Академии наук СССР опасалось, что опубликование современной истории Северо-Восточного Китая может вызвать осложнения в советско-китайских отношениях. Хотя, на мой взгляд, исторический материал по данной книге тщательно отработан и все острые политические проблемы советско-китайских отношений, особенно по периоду «большого скачка» и так называемой «культурной революции» были сняты. Подготовленная книга «История о. Хок-

кайдо с древних времен до наших дней» также не была опубликована из-за отсутствия средств.

В 80-е годы издательство «Наука» опубликовало монографии востоковедов нашего института — Галины Семеновны Каретиной, Галины Николаевны Романовой, изданную также и на китайском языке в КНР; монографию Маргариты Алексеевны Патрушевой и Галины Андреевны Сухачевой, Галины Фоминичны Захаровой, Ларисы Вячеславовны Забровской, что свидетельствовало о достаточно квалифицированной их научной специализации.

В настоящее время сотрудники уже центра китаеведения продолжают лучшие традиции, готовят фундаментальные труды: 3-я книга «История Северо-Восточного Китая. 1945—1978 г.», а также индивидуальные монографии по различным аспектам истории, экономике и культуре Китая.

Связь востоковедения с жизнью

Востоковеды 70—80-х годов находили практическое применение своим научным знаниям в лекционной работе по линии Приморского краевого общества «Знание». Многие из них ежегодно читали по 30—40 лекций на различных предприятиях г. Владивостока и края, выезжали на погранзаставы, в воинские части. Наши востоковеды, и особенно китаисты, приглашали для проведения краевых семинаров по проблемам Китая и советско-китайских отношений в Дом политпросвещения г. Владивостока, в горкомы партии Находки, Уссурийска и других городов. Ежегодно востоковеды для краевого общества «Знание» готовили методические разработки по различным аспектам жизни зарубежных стран.

В октябре 1990 г. в возрасте 77 лет я ушел на пенсию, прекратив научную деятельность. Надеюсь, что она была полезной в деле возрождения востоковедения на Дальнем Востоке России. Мне отраднo осознать, что мой внук Сергей Соловьев также решил продолжить наши семейные традиции и стать востоковедом. В настоящее время он обучается в университетском колледже и готовится к поступлению на китайское отделение восточного факультета ДВГУ.

**Воспоминания подготовила и записала
кандидат исторических наук Г. Н. РОМАНОВА**

SUMMARY. «My Life in Science» — so called his reminiscences Fedor Vladimirovich Soloviev. In 1939 he graduated from Oriental faculty (Chinese department) of the Far Eastern State University and was sent to Intelligence Department of the Pacific Fleet. Then he worked as Secretary of the Soviet Consulate in Seoul, served as Counsellor in the Headquarters of the 1st Transbaikalian Front. After the war, — tells F.V. Soloviev, — he continued his service in the Pacific Fleet, and later he made his dream true — he came into Science and was working for 29 years at the Institute of History, published about 100 scientific works.

Fedor Vladimirovich Soloviev remembered those who had studied and served, and worked with him during all these years.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ...

ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ГРЕБЕНЩИКОВ

Александр Васильевич Гребенщиков (1880—1941) — выдающийся русский маньчжурист и синолог. Родился в семье ремесленника. Среднее образование получил в гимназиях Казани и Владивостока. С детских лет интересовался историей и культурой народов Китая. В 1907 г. окончил Восточный институт во Владивостоке по китайско-маньчжурскому разряду и был оставлен на два года в институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре маньчжурской словесности. Характер подготовки заключался прежде всего в усиленных занятиях по китайскому и маньчжурскому языкам и литературе под руководством профессоров А.В. Рудакова и П.П. Шмидта. В 1908—1910 гг. выезжал для

работы и сбора материалов в Харбин и Пекин. Там, а также на факультете восточных языков Петербургского университета молодой ученый совершенствовал свои знания. После сдачи экзаменов в этом университете в 1911 г. и получения диплома первой степени А.В. Гребенщиков назначается на должность исполняющего обязанности профессора кафедры маньчжурской словесности Восточного института.

Из научных командировок он привез большой лингвистический, этнографический, фольклорный и исторический материал, приобрел для библиотеки Восточного института немало ценных маньчжурских рукописей, сборник маньчжурских народных песен и коллекцию атрибутов шаманского культа. Уже в 1909 г. он опубликовал свою первую научную статью «По Амуру и Сунгари» в журнале «Вестник Азии», издававшемся в Харбине. Следует отметить, что лучшие труды А.В. Гребенщиков создал во Владивостоке, где жил и работал до 23 июля 1930 г., до расформирования Государственного дальневосточного университета.

Среди лучших работ Александра Васильевича значительное место занимают исторические исследования: о китайской колонизации в Маньчжурии, аграрном вопросе в Китае, торгово-промышленных и политических отношениях России и Японии, а также краткие историко-географические и торгово-промышленные очерки о Монголии, Маньчжурии, Китае. Ученого очень интересовала и история своего края. Он заботился о собирании и сохранении архивных документов и археологических памятников Приморья. В 1920 г. он не только возглавил комитет по созданию университета во Владивостоке, но и стал инициатором учреждения архивной комиссии по сохранению документов о прошлой истории края.

А.В. Гребенщиков разработал «Программные вопросы по сбору археологического материала в крае». Во введении к этим вопросам он писал: «Научное обследование территории нашего края, бережное отношение к древним памятникам, к случайным находениям и затем — надлежаще поставленные раскопки дадут ключ к поучительному прошлому нашего края».

Профессор активно участвовал в научной жизни Владивостока: с 1911 г. и до закрытия ГДУ он работал деканом восточного факультета, являлся членом совета Владивостокского отдела Русского географического общества и председателем правления Общества востоковедения. Закрылся университет, и после нескольких месяцев вынужденного бездействия А.В. Гребенщиков по вызову из Ленинградского университета навсегда покинул ставший уже родным ему Владивосток...

Ученики Александра Васильевича вспоминали, каким великолепным он был лектором. По словам известного синоведа профессора М.И. Сладковского, «многие его слушатели на всю жизнь запомнили, например, торжественный вечер, посвященный 25-летию со дня основания Восточного института, состоявшийся 21 октября 1924 года.» Этот вечер проходил в Пушкинском клубе, располагавшемся напротив здания Восточного института, а тогда — Государственного дальневосточного университета.

М.И. Сладковский пишет: «Профессор А.В. Гребенщиков ярко и интересно рассказал о деятельности его «альма-матер» и его детища — восточного факультета ГДУ. На некоторых периодах истории Восточного института, особенно совпадающих со студенческими годами Александра Васильевича, докладчик останавливался подробно, рассказывая о различных эпизодах из жизни студентов, преподавателей, напоминая о давно проведенных командировках за границей — в Китае, Маньчжурии, Корее, Японии. Вспоминая о далеких днях безвозвратно ушедшей молодости, он доставлял этим немалое удовольствие и себе, и своим коллегам... С гордостью за любимый институт он называл имена крупных чиновников Русско-Азиатского банка, Общества КВЖД, сотрудников частных российских фирм, работавших в Шанхае и Харбине, Тяньцзине и в Австралии, и других воспитанников Восточного института. И так всегда, рассказывая с особой теплотой о своих коллегах, Александр Васильевич старался о себе упоминать лишь вскользь, полунамеками».

Научную работу профессор успешно продолжал и в стенах Ленинградского университета. Всего им было опубликовано около 80 научных трудов, большинство которых посвящено сложным и до сих пор еще малоисследованным проблемам маньчжурского языка и письменности, истории, культуры, этнографии маньчжуров.

С первых дней войны пожилому и нездоровому профессору А.В. Гребенщикову неоднократно предлагали эвакуироваться из Ленинграда, но он решительно отказывался, считая, что судьба русского интеллигента должна быть общей с судьбой своего народа. Он мужественно участвовал в работе дружины противовоздушной обороны ЛГУ, но физические силы его быстро таяли, и он ушел из жизни, находясь на боевом посту в блокадном городе...

Полагаю, что следует собрать воедино все научное наследие Александра Васильевича Гребенщикова, переиздать его важнейшие труды, подготовить его творческую биографию и по случаю 275-летия Российской Академии наук, и в связи со 100-летием Восточного института, в стенах которого этот скромный и обаятельный человек провел лучшие свои годы.

Основные труды профессора А.В. Гребенщикова

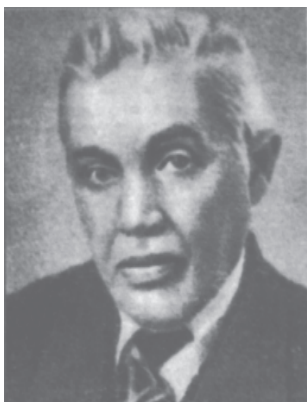
1. Аграрный вопрос в Китае //Новый Восток. 1926. №12. С.18—31.
2. В Бухту и Мергень по реке Нонни //Вестник Азии. 1910. №4. С.146—162.

3. Вольная добыча золота на Амуре // Сборник статей профессора и студентов к XVIII годовщине Восточного института. Владивосток, 1917. С.27—29.
4. Дальний Восток: Исторический очерк // Сов. Азия. 1926. Кн. 5—6. С.100—110.
5. К изучению истории Амурского края по данным археологии // Юбилейный сборник. Т.25. Музей Общества изучения Амурского края за первые 25 лет своего существования. Владивосток, 1916. С.50—75.
6. К истории китайской валюты // Вестн. Азии. 1922. №50. С.299—324.
7. Китай, как мы его знаем // Восточная студия. Владивосток, 1925. №13—16. С.263—264.
8. Заселение Маньчжурии // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1929. №7—8. С.64—75.
9. Конфуцианство и лига народов // Сиб. огни. Новосибирск, 1922. Кн.4. С.190—191.
10. Краткий очерк образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1909. С.62 с.
11. К современному внутреннему и внешнему положению Китая // Жизнь Дальнего Востока. 1915. № 1—4.
12. Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток, 1912. 72 с.
13. Маньчжурия в ее современном положении // Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю И.С. Кларка на 1913 год. С.77—92.
14. Основы китайской колонизации Маньчжурии // Тр. Российского колониального ин-та. М., 1926. № 11. С.95—107.
15. Очерк изучения маньчжурского языка в Китае. В двух частях: Ч.1. Русский текст; Ч.2. Китайский текст. Владивосток, 1913. 348 с.
16. Очерк заселения китайского Приамурья // Вестн. Азии. 1911. № 7. С.34—58.
17. Переселенческая кооперация в Китае // Изв. Дальцентросоюза. 1923. №1. С.44—49.
18. По Амуру и Сунгари: Путевые заметки // Вестн. Азии. 1909. №1. С.189—212.
19. Проблемы эмиграции в Китае // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1929. № 3. С.54—55.
20. Программа преподавания в Восточном институте по предметам маньчжурской словесности, административному устройству Маньчжурии и торгово-промышленной деятельности и быта маньчжуров. Владивосток, 1912. 12 с.

Литература о профессоре А.В. Гребенщикове

- Гребенщиков Александр Васильевич** // Сибирская советская энциклопедия. М., 1929. Т.1. С.740.
- Ермакова Э.В.** Гребенщиков А.В. профессор, архивист, музеевед // Краевед. вестн. Вып.3. Владивосток, 1994. С.38—40.
- Никифоров В.Н.** Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С.81—84, 298, 345, портр. ученого.
- Сладковский М.И.** Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984. С.45—46.
- Сладковский М.И.** 80 лет русского китаеведческого центра на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 1979. №4. С.143—148.

ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КЮНЕР

Николай Васильевич Кюнер (1877—1955) известный российский ученый — синолог, тибетолог, маньчжурист, географ, этнограф. Родился в обрусевшей немецкой семье учителя музыки. Окончив в 1896 г. Тифлисскую гимназию, он приехал в Петербург и поступил на факультет восточных языков университета, где учился так успешно, что по окончании обучения был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Еще в гимназические годы Николай Кюнер проявлял живой интерес к странам Восточной Азии, мечтая когда-нибудь побывать там и ознакомиться с народами Китая, Японии, Кореи, Монголии, Тибета...

С поступлением на китайско-маньчжурско-моногольское отделение университета мечты любознательного юноши быстро стали претворяться в жизнь: уже на втором курсе он вполне овладевает такими трудными языками, как китайский, тибетский, маньчжурский, корейский, монгольский, японский. Такого талантливого студента-полиглота стены Императорского университета, наверное, никогда еще не видели...

И вполне закономерно, что Н.В. Кюнер не только окончил с золотой медалью университетский курс, но и получил двухгодичную командировку в Китай и Японию. Позже, в 1915 г. он побывал в этих странах вторично.

Дальновидное правительство России очень хорошо понимало, что необходимо создать во Владивостоке в срочном порядке новый востоковедческий центр, приблизив его непосредственно к народам и странам зарубежной Восточной Азии и направить туда, в заново организованный Восточный институт самые лучшие, самые перспективные кадры востоковедов.

Сразу же по возвращении на родину из восточноазиатской командировки Н.В. Кюнер получил назначение на должность профессора Восточного института. Так в 1902 г. начался новый, самый плодотворный и счастливый период научно-педагогической деятельности молодого талантливого ученого, продолжавшийся до 1925 г.

Именно во Владивостоке он создал свои лучшие труды и получил признание научной общественности, именно из Владивостока он в 1909, 1912, 1915 гг. выезжал для совершенствования своего знания языков в Китай, Корею и Японию. Именно во Владивостоке Н.В. Кюнер подготовил магистерскую диссертацию «Географическое описание Тибета» в четырех томах, ставшую крупным вкладом в отечественное востоковедение и донныне сохранившую значение одной из основных фундаментальных работ в области истории, географии и этнографии Тибета. Во Владивостоке он также публикует монографии «Географический очерк Японии» и «Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры».

В стенах Восточного института профессор Н.В. Кюнер разработал и вел очень интересный и важный курс по истории, географии и этнографии стран Дальнего Востока. Студенты гордились своим профессором, свободно владевшим семью восточными и десятью европейскими языками. Да и сам он на-

столько полюбил Владивосток и студенческую молодежь, что решил остаться в этом городе и после 1917 г., когда основная масса профессоров и преподавателей покинула Владивосток, уехав или в западные районы страны, или за границу.

И только осенью 1925 г. Николай Васильевич уехал в город на Неве, где до последних дней жизни работал профессором на восточном факультете ЛГУ. С 1932 г. он, не оставляя работу в ЛГУ, становится старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР и заведующим сектором стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Живя и работая во Владивостоке, Кюнер собрал такой обширный материал по истории и культуре Китая, Кореи и Японии, какого хватило ему до конца жизни. Главным трудом ученого стала фундаментальная монография «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» общим объемом свыше 50 п.л. Этот труд не только расширяет наши знания о многих народах и странах Востока, но и до сих пор является единственным серьезным анализом историко-культурных связей описываемых народов с позиций этнографической науки.

Ленинградский период научной и педагогической деятельности профессора прерывался лишь на три года вынужденной эвакуацией из блокадного города в Казахстан, где в 1942—1945 гг. он работал старшим научным сотрудником Центрального исторического архива Казахстана и в Государственной публичной библиотеке в Алма-Ате.

Перу Н.В. Кюнера принадлежит свыше 300 научных работ. К сожалению, мало кто интересуется в наши дни богатым рукописным наследием этого выдающегося ученого. Среди его рукописей немало и таких работ, которые Николай Васильевич готовил, будучи профессором Восточного института. Наибольший интерес представляют такие, например, неопубликованные труды, как «Феодальная культура Кореи», «Корея во второй половине XVIII века», «Маньчжуры. Этнографическая монография», «Историко-географический очерк Японии». Разыскать и опубликовать эти работы во Владивостоке, полагаю, дело чести ученых Дальневосточного государственного университета, у истоков которого почти четверть века стоял профессор Николай Васильевич Кюнер — человек большой души и энциклопедических знаний истории, языков, культуры, географии, этнографии народов зарубежной Восточной Азии.

Основные труды профессора Н.В. Кюнера

1. Географическое описание Тибета. Т.1—2. Владивосток, 1907—1908. 500 с.
2. География Китая. М., Ин-т востоковедения, 1926. 78 с.
3. География Японии. М., Ин-т востоковедения, 1927. 240 с.
4. Европейская война и китайская промышленность. Владивосток, 1916. 23 с.
5. Исторический обзор развития китайской культуры и ее роль в жизни народов Восточной Азии. Владивосток, 1907. 62 с.
6. Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры, в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1909. 249 с.

7. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
8. Китайские исторические данные о народах Севера // Уч. зап. ЛГУ. № 98. Сер. востоковед. наук, вып. 1. Л., 1949. С.92—102.
9. Лекции по истории и географии Сибири. Владивосток, 1919. 273 с.
10. Лекции по коммерческой географии Китая. Владивосток, 1909. 96 с.
11. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Владивосток, 1921. 120 с.
12. Новейшая история стран Дальнего Востока. Владивосток, 1912. 172 с.
13. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов-хакасов VII—VIII вв. н.э. // Зап. Хакас. НИИ языка, литературы и истории. Вып.2. Абакан, 1951. С.3—16.
14. Очерк истории Кореи. Владивосток, 1912. 32 с.
15. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск; Владивосток, 1927. 404 с.
16. Сношения России на Дальнем Востоке на протяжении царствования Дома Романовых. Владивосток, 1913. 30 с.
17. Политическая организация Маньчжурии. Б. м., б. г. 151 с.
18. Японская эмиграция. Владивосток, 1914. 19 с.

Из рукописного наследия профессора Н.В. Кюнера

1. Библиография китайской литературы о народах Севера, Амура, Сибири, Монголии и Средней Азии.
2. Библиография китайской литературы по истории киргизов.
3. Библиография Тибета.
4. Историко-географический очерк о Японии. 1899. (Работа удостоена золотой медали факультета восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета).
5. Корея во второй половине XVIII века. 1938.
6. Маньчжуры: Этнографическая монография.
7. Очерк экономической географии Китая. 1923.
8. Феодалная культура Кореи.

Литература о профессоре Н.В. Кюнере

- Горохова Г.С.** Профессор Николай Васильевич Кюнер // Вестн. ЛГУ. № 14. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 3. Л., 1960. С.155—156.
- Зенина Л.В.** Н.В. Кюнер — историк Дальнего Востока // Очерки по истории Ленинградского ун-та. Л., 1962. Т.1. С.81—87.
- Кюнер Николай Васильевич** // Большая советская энциклопедия. Изд. 2. Т.24. М., 1953. С. 179.
- Кюнер Николай Васильевич** // Сибирская советская энциклопедия. Т.2. М., 1931. С.1148.
- Кюнер Николай Васильевич** // Советская историческая энциклопедия. Т.8. М., 1965. С.354.
- Кюнер Николай Васильевич.** Некролог // Сов. этнография. 1955. № 3. С.171—172.
- Стратанович Г.Г.** Профессор Николай Васильевич Кюнер // Сов. этнография. 1952. № 4. С.182—183, портр. ученого.

ПРОФЕССОР ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОДСТАВИН

Григорий Владимирович Подставин (1875 — 1924) — видный российский востоковед, заложивший основы научного изучения корейского языка; с его именем связано также развитие востоковедческого образования во Владивостоке почти с самого начала деятельности Восточного института.

Окончив с золотой медалью Рыбинскую классическую гимназию, Григорий в 1894 г. поступает в Петербургский университет на факультет восточных языков, где изучает монгольский, китайский, маньчжурский языки. В 1898 г. он окончил с отличием университет и, проявив блестящие способности в научной деятельности, заслужил как достойную награду оставление на кафедре монгольской словесности для подготовки к профессорскому званию. На этом завершился петербургский период жизни молодого ученого.

В 1899 г. на далекой окраине Российской империи создается новый востоковедческий центр — Восточный институт во Владивостоке. Сюда из столицы направляется группа энтузиастов-востоковедов во главе с профессором А.М. Позднеевым, который и пригласил во Владивосток Г.В. Подставина, предложив ему заняться исследованием и преподаванием корейского языка. С той поры Григорий Владимирович избирает своей ведущей специальностью корееведение и дополнительной — монголоведение. По рекомендации А.М. Позднеева способного лингвиста командировуют в Корею для изучения языка и быта корейского народа. Больше года, до весны 1900 г. пробыл он в Стране утренней свежести. Там он овладел языком во всем его диалектном многообразии и собрал обширный лингвистический и этнографический материал.

В июле 1900 г. Г.В. Подставин был назначен профессором Восточного института. На протяжении 22 лет он возглавлял кафедру корейской словесности и одновременно замещал главу кафедры монгольской словесности сначала в Восточном институте, а затем на восточном факультете Государственного дальневосточного университета.

Григорий Владимирович был человеком необычайно широкого диапазона знаний. Он принадлежал к тому типу ученых, которые не замыкаются в узкой сфере избранной специальности, а отдают всю энергию, все знания людям, постоянно находясь в водовороте жизни. Не было, пожалуй, во Владивостоке ни одного более или менее крупного культурного начинания, в котором не принял бы участие профессор Г.В. Подставин. Он состоял председателем или членом всех научных и культурных обществ во Владивостоке того времени.

Это был истинно русский человек, глубоко интеллигентный и добрый, отличавшийся безупречной душевной чистотой. Ему были чужды интриганство, себялюбие, корысть. Особенно много такта, организаторского опыта и академической принципиальности Г.В. Подставин проявил на посту инспектора Восточного института (1900—1905), затем директора (1919—1920), а после преобразования Восточного института в 1920 г. в Государственный дальневосточный университет — на посту его первого ректора.

В 1922 г. Г.В. Подставин уехал в Корею, в свою последнюю научную командировку. Установление власти большевиков в Приморье ученый встретил настороженно, предчувствуя грядущую тяжкую судьбу своей Родины. Поэтому он не вернулся во Владивосток, но и неустроенная эмигрантская жизнь очень тяжело отразилась на его здоровье, и 23 марта 1924 г. ученый умирает в Харбине.

Профессор Г.В. Подставин оставил немного опубликованных трудов, и это можно объяснить прежде всего тем, что начинать изучение и преподавание корейского языка ему пришлось по существу на пустом месте, самому закладывать фундамент новой отрасли знания. И в этом большую помощь оказали ему знание типологически близких к корейскому языку монгольского и маньчжурского, прекрасная лингвистическая подготовка и тот большой фактический материал, который он собрал во время поездок в Корею и по корейским селениям Южно-Уссурийского края. Постоянно занятый педагогической, административной и общественной работой, Григорий Владимирович не смог полностью привести в порядок собранные им ценнейшие материалы. Лишь незначительная доля их оказалась реализованной в его учебных пособиях и научных трудах. Удалось выяснить, к счастью, что почти все рукописное наследие профессора сохранилось в Центральном государственном архиве Дальнего Востока (фонд 226), не так давно возвращенном во Владивосток...

Довольно меткую характеристику Г.В. Подставина как ученого-востоковеда дал его коллега и близкий друг профессор Н.В. Кюнер: «Григорий Владимирович принадлежал к той категории научных работников, которые строже всего относятся к самим себе, и поэтому редко и мало печатаются. Он был весьма осведомлен как в корейском, так и в монгольском языках и всех вопросах, относящихся к корееведению и монголоведению, охотно делился со всеми своими знаниями».

Г.В. Подставин менее известен как монголовед. За исключением записанных им и Г.Ц. Цыбиковым лекций профессора А.М. Позднеева по истории монгольской литературы, его имя не фигурирует в монголоведении. И все же интерес к монгольскому языку, особенно после отъезда из Владивостока А.М. Позднеева до назначения в Восточный институт Г.Ц. Цыбикова, и позже снова, в связи с отъездом Цыбикова в Бурятию, Г.В. Подставин сохранял свои знания монголоведа в лекциях по монгольскому письменному языку.

Профессор был авторитетнейшим знатоком Кореи — он живо интересовался ее новейшей историей, государственным устройством, политическими течениями. В научной и периодической печати нередко появлялись его сообщения о Корее. К ученому неоднократно обращалась краевая администрация, особенно когда ей приходилось иметь дело с корейским населением. Ученый немало содействовал улучшению постановки школьного образования в корейских селениях Дальнего Востока; он являлся председателем комиссии по изданию учебников для корейских школ на территории России.

Таков в самых общих чертах облик профессора Григория Владимировича Подставина, зачинателя научного корееведения в нашей стране.

И доброй памятью замечательно российскому ученому к столетию Восточного института, которому он отдал лучшие годы своей жизни, было бы

творческое осмысление его идей в области корееведения (и особенно в сфере корейского языкознания) на новом уровне, а также розыск и описание его рукописного наследия.

Основные труды профессора Г.В. Подставина

1. Собрание разговорных фраз и легких рассказов на корейском языке: Начальное пособие к практическому изучению корейского языка для студентов Восточного института. Владивосток, 1901.

2. Корейская хрестоматия в двух частях: Ч.1. Пособие к разбору текстов чисто корейского письма; ч.2. Пособие к разбору текстов смешанного корейско-китайского письма по образцам новой корейской литературы. Владивосток, 1901.

3. «Симсян сйохак»: Собрание текстов для упражнений в разборе смешанного корейско-китайского письма с подстрочным словарем для наиболее трудных отделов. Владивосток, 1902.

4. «Сир, йон хойхва»: Собрание своеобразных выражений корейского разговорного языка. Владивосток, 1902.

5. Собрание образцов корейских официальных бумаг и деловых документов. Владивосток, 1903.

6. Хрестоматия литературного корейского языка //Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1905. Т.11.

7. «Онман-чхосе»: Пособие для ознакомления с корейской скорописью. Владивосток, 1907.

8. Образцы сатирических произведений современной корейской литературы. Вып. 1. Владивосток, 1907.

9. Упражнения в переводе с русского языка на корейский. Владивосток, 1909.

10. Корейские анекдоты и рассказы. Владивосток, 1909.

11. Лекции по политической организации современной Кореи. Владивосток, 1902.

12. Очерк административных реформ в Корею по отчету японской генеральной резиденции в Сеуле за 1906 г. Владивосток, 1907.

13. Лекции по политической организации и новейшей истории Кореи. Владивосток, 1913.

14. Корейская грамматика. Вып.1. Владивосток, 1908. Изд. франц. миссионеров. Пер. с франц. Г.В. Подставина.

15. Разбор японского самоучителя корейского языка «Цибсенго докугаку». Вып.1. Владивосток, 1908.

Литература о профессоре Г.В. Подставине

Концевич Л.Р. Подставин: к столетию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1976. №1. С.227—231.

Отклики на смерть профессора Григория Владимировича Подставина // Вестн. Азии. Харбин. №52. С.337—338.

Пашков Б.К. Предисловие // Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1951. С.5—15. Пер. с англ.

ПРОФЕССОР АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ

Алексей Матвеевич Позднеев (1851—1920) — незаурядный русский монголовед и этнограф. Родился в многодетной семье священника. Среднее образование получил в Орловской духовной семинарии, но по стопам своего отца не пошел. Уехал в Санкт-Петербург, где в 1876 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду (отделению). Сразу же принял активное участие в снаряженной Императорским Русским географическим обществом большой экспедиции в Монголию. Из этой экспедиции он привез такие обширные материалы и коллекции по духовной культуре и быту монгольских племен, которых хватило ему на многие годы научной работы.

В 1881 г. А.М. Позднеев защитил магистерскую диссертацию «Образцы народной литературы монгольских племен», а в 1883 г. получил степень доктора за работу «Монгольская летопись» «Эрдэнийн Эрихэ» с пояснением, заключающим в себе материал для истории Халхи с 1636 по 1736 годы. После блестящей защиты докторской диссертации А.М. Позднеев в течение 15 лет был профессором монгольской словесности в Петербургском университете. Он первый открыл в России чтение курса лекций по истории литературы монгольских племен и наречий и ввел в преподавание чтение официальных бумаг, написанных по-монгольски.

Плодотворной была его преподавательская, научная и общественная деятельность в области монголоведения. В 1881 г. Алексею Матвеевичу было поручено редактировать издания Британского Библейского общества в Лондоне на монгольском, китайском, маньчжурском языках. В 1887 г. по поручению министерства государственных имуществ России он составил проект устройства народных училищ у калмыков Астраханской губернии. В 1892 г. министерство иностранных дел командировало А.М. Позднеева для исследования ее внутреннего положения и административного строя, а также для изучения характера российских торговых отношений с Китаем, в состав которого входила тогдашняя Халха (Внешняя Монголия). Из этой длительной командировки ученый привез для библиотеки Петербургского университета крупные коллекции рукописных и печатных китайских, монгольских, маньчжурских сочинений и книг, а для практических занятий со студентами — уникальные экспонаты ламаистских (севернобуддийских) кумиров и других предметов и принадлежностей религиозного культа.

Именно ему как одаренному ученому и умелому организатору науки правительство России поручило подобрать кадры преподавателей для открывшегося в 1899 г. во Владивостоке Восточного института. И большая заслуга А.М. Позднеева в том, что на далекую окраину России согласились поехать лучшие специалисты по монголоведению, китаеведению, маньчжуристике и корееведению.

В октябре 1899 г. профессор А.М. Позднеев становится первым директором Восточного института. В полную меру раскрылись его организаторские способности и удивительное умение работать с людьми. Именно при его директорстве в Восточном институте создаются первоклассные учебные аудитории и прекрасная востоковедческая библиотека, уникальный этнографический

музей и собственная институтская типография, имевшая все необходимые шрифты. При содействии Позднеева началось издание «Известий Восточного института», в ряде выпусков которого публиковались не только статьи, но и крупные монографии и учебно-методические пособия профессоров и преподавателей.

Наладив работу Восточного института, А.М. Позднеев в 1903 г. уехал в Петербург, где его ожидал ответственный пост члена совета министерства народного просвещения и одного из руководителей Российского общества востоковедения, находившегося под особым покровительством царской семьи.

Октябрьский переворот в России А.М. Позднеев воспринял как большую беду для русского народа и его культуры и, часто преследуемый новыми властями, уехал из столицы сначала к себе на родину, в Орел, а затем сумел при поддержке командования Белой армии доехать до Ростова, но там и скончался от сердечного приступа. По свидетельству людей, близко знавших А.М. Позднеева, у профессора была мечта снова приехать во Владивосток и продолжить здесь так удачно начатое им дело по созданию и дальнейшему совершенствованию крупного центра российского востоковедения. Но, увы, эта мечта не смогла осуществиться...

А.М. Позднеев оставил много ценных трудов в области монголоведения и среди них — многотомный капитальный труд «Монголия и монголы», два первых тома которого увидели свет в 1896—1898 гг., а третий-четвертый остались незавершенными (рукописи этих томов сохранились лишь частично). В этой работе ученый проявил себя не только как крупнейший в России специалист в области изучения монгольского языка и литературы, но и как замечательный этнограф и историк. Его ценные наблюдения и замечания по разным аспектам быта и культуры монголов не потеряли своей актуальности и поныне. Ведь до сих пор отсутствует серьезная обобщающая работа по этнографии монголов МНР и Китая, и материалы монографии А.М. Позднеева могли бы стать одним из основных «кирпичиков» в фундаменте такой работы.

Значительный интерес для историков представляют и такие книги А.М. Позднеева, как «Ургинские хутухты» (1879), «Города Северной Монголии» (1880), «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» (1887).

Большинство сочинений о Монголии и монголах, написанных до А.М. Позднеева, имели одну общую черту: все авторы их не знали монгольского языка, не были ориенталистами и оставались чуждыми монгольской филологии вообще. И только профессор Алексей Матвеевич Позднеев и его ученики оставались верны традиции глубокого знания монгольского языка, проверенного в экспедициях по разным районам проживания монгольязычных народов.

Это был очень строгий и весьма требовательный профессор, одновременно чуткий и заботливый по отношению к студентам человек. Это он, преодолевая все трудности и неурядицы первых лет Восточного института, сумел создать всем приехавшим во Владивосток комфортные условия жизни и быта (почти на уровне столичных); это он постоянно заботился о каждом студенте, часто помогая не только добрыми советами, но и материально; это он положил начало созданию во Владивостоке самостоятельного центра востоковедения.

Основные труды профессора А.М. Позднеева

1. Города Северной Монголии. СПб., 1880.
2. Житие Святого равноапостольного князя Владимира. Астрахань, 1888. 86 с. Пер. на калм. яз. А.М. Позднеева.

3. Калмыцкая хрестоматия: Изд. 1. СПб., 1892; Изд.2. СПб., 1907; Изд. 3. СПб., 1915.
4. Лекции по истории монгольской литературы, читанные в 1895—1896 acad. году. СПб., 1896. 240 с.
5. Лекции по истории монгольской литературы, читанные в 1896—1897 acad. году. СПб., 1897. 263 с.
6. Монголия и монголы: Т.1. СПб, 1896. 696 с.; Т.2. СПб, 1897. 517 с.
7. Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ», подлинный текст с переводом и пояснениями, с заключенными в них материалами по истории Халхи с 1636 по 1736 год. СПб., 1883.
8. Монгольская хрестоматия. СПб, 1900.
9. Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин // Восточные заметки. СПб, 1900.
10. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып.1. Народные песни монголов. СПб., 1880. 346 с.
11. Опыт собирания образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1904. 352 с.
12. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887.
13. Сказание о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбэтского База-Бакши. СПб, 1897. 260 с. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями.
14. Ургинские хутухты. СПб, 1879.

Литература о профессоре А.М. Позднееве

- Алексеев В.М.** Наука о Востоке: Ст. и документы. М., 1982. С. 165—166, 219—220, 419—423.
- Позднеев Алексей Матвеевич** // Большая советская энциклопедия. Т.20. М., 1975. С. 452—453.
- Позднеев Алексей Матвеевич** // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Брокгауз и Ефрон, 1898. Т.47. С.185—186.

ПРОФЕССОР ДМИТРИЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ

Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865—1937) — одаренный российский японист, историк, этнограф, географ. Происходил он из большой многодетной семьи протоиерея Сретенской церкви г. Орла Матвея Автономовича Позднеева. Получил духовное образование — окончил курс в Орловской духовной семинарии, а затем в числе первых ее учеников был за казенный счет направлен в Киевскую духовную академию, которую успешно окончил в 1889 г. по историческому отделению. Темой его кандидатского сочинения была диссертация «История христианства в Средней Азии с I по V век».

Огромный интерес к истории Востока побудил Д.М. Позднеева отказаться от должности священника, и осенью 1889 г. он с разрешения министра народного просвещения поступает на факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду. Этот шаг был сделан им под влиянием старшего брата, Алексея Матвеевича, ставшего

тогда уже профессором университета и известным специалистом в области монголоведения.

Учился Д.М. Позднеев блестяще и после окончания университета в 1893 г. получил диплом I степени с оставлением в этом учебном заведении на кафедре истории Востока. Для приготовления к профессорскому званию его командировали за границу — в Лондон, Париж и Берлин, — где он смог основательно познакомиться с постановкой востоковедческого образования в Европе и поработать в лучших библиотеках того времени. Из научной поездки он вернулся в 1894 г.

Следует отметить, что изучение Японии и японского языка в России XIX в. было организовано плохо и бессистемно; последствия этого особенно проявились в период русско-японской войны, когда нашей армии катастрофически не хватало переводчиков. Еще задолго до этой несчастной войны факультет восточных языков Петербургского университета много раз обращался в различные инстанции с обоснованными представлениями о необходимости создания кафедры японской словесности, но учреждение такой кафедры долго откладывалось под предлогом отсутствия средств. И лишь 25 февраля 1898 г. на факультете восточных языков была, наконец, учреждена кафедра японской словесности. Именно на эту кафедру и был назначен Д.М. Позднеев, тогда еще слабо знавший японский язык, но зато прекрасно владевший китайским языком и изучивший доступные ему литературные источники по истории Японии.

Успешно сдав экзамен на степень магистра истории Востока, Д. Позднеев был допущен к чтению лекций в университете в звании приват-доцента. Ему поручили курс новой истории Китая и Японии.

Россия остро тогда нуждалась не только в ученых-лингвистах, но и в квалифицированных страноведах. Именно поэтому востоковедные кадры разумно использовались и для практической работы, например, в качестве дипломатов, переводчиков и т.п. И не случайно молодого и способного востоковеда министерство финансов России пригласило на службу в Китай.

В мае 1898 г. Д.М. Позднеева направляют в Пекинское отделение Русско-Китайского банка на должность чиновника для особых поручений VI класса. Он пробыл в Пекине шесть лет, до мая 1904 г. Глубокие знания страны и ее народа нашли широкое применение. Д.М. Позднеев оказался свидетелем восстания ихэтуаней, описав живо и ярко это событие в книге «56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни (рассказ очевидца)». В декабре 1900 г. за деятельное участие в военной обороне Российской Императорской миссии в Пекине от нападения мятежников Д.М. Позднееву был пожалован орден Святого Владимира IV степени с мечами.

5 июня 1904 г. произошло важное событие в жизни и карьере Дмитрия Матвеевича — именным указом императора ему повелено было стать директором Восточного института во Владивостоке. До этого директором Восточного института был его старший брат Алексей Матвеевич, уехавший в Петербург для работы на ответственном посту члена совета при министерстве народного просвещения.

Однако директорство Д.М. Позднеева было кратковременным — чуть больше полутора лет. В конце 1905 г. он уехал в отпуск в Японию, там неожиданно серьезно заболел, и это помешало вовремя вернуться во Владивосток. Поэтому он вынужден был подать прошение об отставке с поста директора Восточного института.

Нужно признать все же, что время, проведенное в Японии, не прошло для профессора Д.М. Позднеева впустую. Прожив довольно долго в стране (около четырех лет), он посвятил этот период занятиям японским языком и всестороннему изучению Японии и японцев. Живя и работая в Иокогаме и в Токио, Д.М. Позднеев много полезного сделал для Восточного института.

Прежде всего ученый подготовил и опубликовал в 1908 г. большой «Японо-русский иероглифический словарь». Это был первый крупный словарь такого рода, необходимость в котором остро ощущалась не только во Владивостоке, но и в столице империи. Позднеев снабдил словарь семью таблицами, с помощью которых можно было быстро найти нужный иероглиф. Как отмечал сам автор в предисловии к словарю, «... суть изучения японской письменности заключается в знании иероглифов, и только овладевший ими может считать себя японоведам. Облегчить учащимся тернистый путь, ведущий к этой цели, было искренним желанием автора настоящего труда».

За время пребывания в Японии профессор подготовил для Восточного института немало других учебных пособий, написал ряд научных трудов по географии, истории, экономике, этнографии Японии, широко используя японские источники и вводя в научный оборот огромное количество неизвестного в России фактического материала. Все его труды, опубликованные в Японии, сразу же становились достоянием Восточного института. На этих трудах обучалось и воспитывалось несколько поколений студентов-востоковедов.

Особое научное значение имела монография Д.М. Позднеева «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России» (Токио, 1909). Ученый прекрасно понимал и осознавал всю сложность поставленной перед собою задачи, но он исходил из того, что «... для России и русских узнать нашу недавнюю победительницу, а ныне загадочную соседку необходимо, а потому, если я в состоянии хотя бы в самой ничтожной доле помочь этому делу, я буду его продолжать».

Д.М. Позднеев был твердо уверен в том, что для развития наших добрососедских отношений с Японией необходимо знать эту страну и историю наших отношений с нею. И, как бы предвидя заранее, что его могут обвинить в предвзятости за то, что его труд базировался исключительно на японских материалах, ученый написал в предисловии, что поскольку он готовил свою работу в Японии, то русских источников у него было меньше, чем японских, но и не все японские источники, «... которые не затрагивались никогда европейскими учеными, использованы, да это было непосильной задачей для одного человека». Но он очень надеялся, что «... попытка коснуться японских исторических материалов послужит хотя бы немного на пользу более счастливым преемникам автора».

В 1910 г. Д.М. Позднеев возвратился из Японии во Владивосток и, немного побыв в этом городе, уехал в Петербург преподавать японский язык в заново открытой Практической Восточной академии.

Глубокие научные знания профессора Д.М. Позднеева были востребованы и в первые советские годы. В 1917 — 1923 гг. он трудился в Петроградском институте народного хозяйства, а с осени 1923 г. стал преподавать историю и экономику стран Востока в военной академии им. Фрунзе в Москве, куда ездил из города на Неве каждую неделю, несмотря на транспортные трудности.

И продолжал создавать научные труды. При его жизни было издано более 100 работ. Самый крупный и значительный труд Д.М. Позднеева советского периода — монография «Япония. Страна, население, история, политика», опубликованная Воениздатом в 1925 г.

Прекрасный лектор, вдумчивый и серьезный ученый, отличавшийся всегда и всюду высокой культурой, необычайной скромностью и личным обаянием профессор Д.М. Позднеев был тем не менее на долгие годы предан забвению, а его научные труды были изъяты из всех библиотек страны. Оклеветанный завистниками и недоброжелателями, 72-летний профессор был арестован по сфабрикованному ложному обвинению в «тесных связях с японской фашистской разведкой» и расстрелян фактически без суда и следствия в застенках НКВД в ночь на 30 октября 1937 г. Страшно подумать, но его дочь, известная китаистка профессор Любовь Дмитриевна Позднеева, до самой своей кончины в августе 1974 г. верила цинично-лживой «выписке из дела», в которой сообщалось, что-де «Позднеев Д.М. умер от сердечной недостаточности 14 января 1942 г. в санчасти одного из лагерей НКВД».

К сожалению, эта ложная дата гибели выдающегося русского ученого до сих пор продолжает «перекочевывать» из одной энциклопедии в другую, а многие труды его «арестованы» и «утрачены».

Настала пора вернуть его богатейшее научное наследие в отечественную востоковедную науку. И это должны сделать в первую очередь мы, дальневосточники. Мы должны гордиться тем, что именно у нас, во Владивостоке, профессор Дмитрий Матвеевич Позднеев трудился в высокой должности директора Восточного института и создал кафедру японоведения, работа которой была затем развита и постоянно совершенствовалась его коллегами и учениками Е.Г. Спальвиным, В.М. Мендриным, Н.П. Овидиевым, К.П. Феклиным, К.А. Харнским и др.

Основные труды профессора Д.М. Позднеева

1. Боксерское движение как этап освободительной борьбы в Китае: к 25-летию событий // Звезда. 1926. №4. С.156—172.
2. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894. Октябрь. С.323—353.
3. Исторический путь уйгуров. СПб., 1899. 90 с.
4. Китай и море // Мор. сб. Вып. 10. Л., 1924. С. 152—169.
5. Китай и Япония. Л., 1926. 63 с.
6. Материалы по вопросу о пересмотре действующей в китайских морских таможенных системы регистрации внешней торговли Китая: Вопрос о флагах. СПб., 1905. 114 с.
7. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Токио, 1909. 181 с.
8. Современный Китай: Борьба за китайский рынок. Л., 1925. 87 с.
9. Токухонь, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке: пособие для учащихся. Иокогама, 1908. 216 с.
10. Торговля города Ин-коу (Ню-чжуан). СПб., 1902. 41 с.
11. Торговля города Порт-Артура. СПб., 1902. 53 с.
12. Торговля городов Дальнего, Да-лянь-ваня, Би-цзы-во и Да-дунгоу. СПб., 1902. 55 с.
13. Япония: Геогр.-стат. очерк. Токио, 1906. 154 с.
14. Япония и Австралия: справочное пособие // Воен. мысль. Вып.4. М., 1923. С.64—73.
15. Япония: Страна, население, история, политика. М., 1925. 351 с.
16. Япония: Воен.-экон. описание. М., 1924. 273 с.
17. Японо-русский иероглифический словарь, с 7 таблицами. Токио, 1908.

Литература о профессоре Д.М. Позднееве

Библиография Японии (1917—1958). М., 1960. С.314. (Ссылка на 10 кн., статей за 1922—1927 годы).

Биография Д.М. Позднеева // Изв. Вост. ин-та. Т.14. Владивосток, 1907. С.5—7.

Лещенко Н.Ф. «Опальный профессор» // Япония сегодня. Июль 1996 г. С.28—29, портр. ученого.

Милицанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1977. С.441.

Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С.18—21, 44—45, 107—110, 196, 313.

Подпалова Г.И. Позднеев Дмитрий Матвеевич // Советская историческая энциклопедия. Т.11. М., 1968. С.248.

Позднеев Дмитрий Матвеевич // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т.20. С.452—453.

Скачков П.Е. Библиография Китая. М.: Наука, 1960. С.663. (Ссылка на 36 кн., статей, рецензий за 1894—1931 гг.).

ПРОФЕССОР ЕВГЕНИЙ ГЕНРИХОВИЧ СПАЛЬВИН

Евгений Генрихович Спальвин (1872—1933) — известный российский японовед. Родился в семье профессора-лингвиста Г.Спальвина (его отец, по национальности латыш, был автором одной из первых латышских грамматик). В 1898 г. Е.Г. Спальвин окончил восточный факультет Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду, однако будучи студентом, занимался японским языком у профессора И.Н. Куроно (японца Куроно Ёсибуми, для которого Россия стала второй родиной). По окончании университета Е.Г. Спальвин посвятил себя целиком и полностью японоведению, став одним из первых профессиональных японоведов в России. В 1899—1901 гг. он жил и работал в Японии, преподавая русский язык в Токийской школе иностранных языков. По возвращении на родину он уехал по приглашению директора Восточного института А.М. Позднеева во Владивосток на должность профессора японской словесности. Им было подготовлено много высококвалифицированных специалистов-японоведов. Профессор жил и работал во Владивостоке до 1925 г., а затем до конца жизни трудился в администрации КВЖД в Харбине, где и умер от болезни сердца.

Деятельность профессора Е.Г. Спальвина была обширной и многогранной. Он был в первую очередь блестящим японистом-практиком-преподавателем и переводчиком. В то же время ученый прекрасно знал и понимал культуру и искусство японского народа. В конце жизни им была опубликована в Токио на японском языке монография, в которой Спальвин высказал свое мнение о многих важнейших явлениях японской культуры.

В Восточном институте Е.Г. Спальвиным было подготовлено несколько учебных пособий, до 1910 г. он составлял их один. Следует отметить, что ко времени его преподавательской деятельности никаких пособий по изучению Японии и японского языка в России вообще не существовало, и профессору

Спальвину пришлось самостоятельно разрабатывать все учебные курсы, которые он начал готовить, еще живя в Японии. При этом он широко использовал зарубежные материалы, часто включая в пособия переводы целых разделов из них (что всегда специально оговаривал).

Среди этих работ были и хрестоматии, и пособия по переводу, и введения в изучение японской письменности. В них рассматривался как разговорный, так и старописьменный язык. Издавал профессор и работы библиографического характера.

Это был человек, для которого как будто ничего не существовало, кроме избранного им дела, он полностью уходил в работу, и поэтому многим коллегам казался замкнутым, малоразговорчивым. Ученый очень высоко ценил обязательность, исполнительность и порядок, аккуратность во всех делах и в жизни. Это был внешне суховатый и педантичный человек, имевший, однако, доброе сердце и чистую душу.

В научных трудах и пособиях Е.Г. Спальвиным учитывались не только западноевропейские, но и японские исследования. В работах по японской грамматике ученый предпринял первую в России попытку пересмотра традиционной схемы описания спряжения японского глагола. В анализе спряжения он исходил в основном из идей выдающегося английского японоведа Б.Х. Чемберлена, значительно уточняя их и как бы перепроверяя на практике.

К сожалению, после октябрьского переворота в России публикации профессора по японскому языку надолго приостановились, что, естественно, его огорчало. И все-таки незадолго до ухода из жизни он подготовил, уже находясь в Харбине, самый известный свой учебник «Японский разговорный язык», вышедший в свет уже после смерти автора. Даже и сегодня этот труд не утратил своего значения. Особую ценность представляет третий том, в котором описывается история и современное состояние японского письма и излагается логично продуманная система обучения различным видам японской письменности, основанная на выделении общих для иероглифов и каны графических элементов.

Вследствие разных сложных причин (одной из которых являлось неуважительное отношение к профессору-эмигранту) идеи Е.Г. Спальвина не оказали существенного влияния на развитие отечественного японоведения. Подлил немало «масла в огонь» и ортодоксальный коммунист и лжеученый Е. Поливанов, подвергший все труды профессора разгромной критике в своей «работе» под крикливым названием «За марксистское языкознание» (1931). Отвергая эту «критику», следует отдать должное как чрезвычайно активной деятельности Евгения Генриховича по подготовке кадров японистов во Владивостоке и расширению российско-японских культурных связей, так и ценным наблюдениям, содержащимся в его обстоятельных исследованиях.

Велика заслуга этого замечательного педагога и в подготовке специалистов-японоведов. Один из одаренных его учеников Николай Петрович Овидиев успешно продолжил дело своего учителя, будучи заведующим кафедрой японского языка ДВГУ. Лучшие традиции востоковедения, активно проповедываемые Е.Г. Спальвиным, развивали дальше также Константин Павлович Феклин, Трофим Степанович Юркевич и другие преподаватели ДВГУ, погибшие в репрессиях 1938 г. Представляется очень важным делом публикация наиболее ценных трудов Евгения Генриховича Спальвина как дань уважения памяти этого выдающегося японоведа.

Основные труды профессора Е.Г. Спальвина

1. Библиографические заметки по японоведению // Изв. Вост. ин-та. Т.31, вып.1. Владивосток, 1909.
2. Грамматика японского разговорного языка: Основной курс (глагол и имя прилагательное). Владивосток, 1910.
3. Из японских разговоров о советско-японском соглашении // Вост. студия. Владивосток, 1925. №21—22. С.341—356.
4. Из курса октограммной системы изучения катаканы // Вост. студия. 1925. №1. С.1—12.
5. Краткий обзор изменяемых частей речи японского книжного языка. Владивосток, 1913.
6. Культурные мелочи в современной Японии // Вост. студия. 1925. №13. С.265—268.
7. К характеристике японцев // Вост. студия. 1924. №4—5. С.66—68.
8. Мой графический алфавит хираганы // Вост. студия. 1924. №4—5. С.82—88.
9. Октограммная система изучения катаканы // Вост. студия. 1924. №4—5. С.74—81.
10. Первое Мая 1923 года в Японии // Новый Дальний Восток. 1923. №6—9. С.109—126.
11. Очерк основ письменности японцев // Изв. Вост. ин-та. Т.2, вып.1. Владивосток, 1900.
12. Пособие для изучения более трудных форм современного японского делового разговорного языка. Ч.1. Владивосток, 1913.
13. Практические японские разговоры: Пособие для изучения простейших форм японского разговорного языка и для введения в японскую письменность. Ч.1—2. Владивосток, 1909.
14. Практические японские разговоры: Русский перевод и примечания. Владивосток, 1911.
15. Разбор японских азбук катакана и хирагана. Ч.1. Владивосток, 1909.
16. Япония, видимая сбоку. Токио, 1931. Яп. яз.
17. Японская библиография маньчжурского конфликта, политико-экономических основ, обстановки и перспектив его. Харбин, 1932. 77 с.
18. Японская хрестоматия (Нихонго токухон). Отд. 1—17. Владивосток, 1908—1911.
19. Японская армия: Пособие для изучения важнейших японских военных терминов. Ч.1—2. Владивосток, 1909.
20. Японский разговорный язык. Харбин, 1933.
21. Японский разговорный язык: Первый и второй концентры. Харбин, 1933.
22. Японский разговорный язык: Третий концентр. Харбин, 1933.

Литература о профессоре Е.Г. Спальвине

- Алпатов В.М.** Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988. С.29—34.
- Бабинцев А.А.** Евгений Генрихович Спальвин // Пробл. Дальнего Востока. 1979. №2.
- Георгиевская Е.А.** Становление и развитие Дальневосточного центра востоковедения (1899—1939): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1994. 30 с.
- Поливанов Е.Д.** За марксистское языкознание. М., 1931. С.8—9.
- Сладковский М.И.** Первый центр китаеведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Пробл. Дальнего Востока. 1979. №4. С.144—148.

ПРОФЕССОР ГОМБОЖАБ ЦЭБЕКОВИЧ ЦЫБИКОВ

Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873—1930) — выдающийся российский монголовед и тибетолог, «открывший» для России Тибет, профессор Восточного института во Владивостоке и Иркутского университета.

Судьба благоволила любознательному и способному от природы сыну скромного бурята-кочевника: ему удалось получить блестящее образование. В числе лучших учеников Агинского приходского училища он был послан в Читинскую мужскую гимназию, которую окончил с медалью. Ему посчастливилось учиться в Санкт-Петербургском Императорском университете по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду восточного факультета и получить в награду золотую медаль. Первому из наших соотечественников Цыбикову удалось, под видом буддиста-паломника, увидеть и исследовать святыни Тибета. Позднее в Восточном институте Владивостока он сумел не только поставить планомерное изучение монгольского и тибетского языков, но и открыть там одну из лучших в России кафедр тибетологии.

При жизни Г.Ц. Цыбиков опубликовал вроде бы и не так много научных трудов — около 30. Но среди них — три крупные монографии, а также учебники и учебные пособия.

Он пробыл в Тибете почти полтора года, а все его путешествие по Монголии и Тибету продолжалось около 3 лет (1899—1902). После подробного отчета совету Императорского Русского географического общества о своем удивительном путешествии в запретную страну Тибет 31 июля 1904 г. он, по рекомендации П.П. Семенова-Тян-Шанского получил назначение на должность лектора монгольского языка в Восточный институт, где весьма плодотворную педагогическую деятельность он успешно совмещал с научной. Уже находясь во Владивостоке, он закончил работу над главным трудом своей жизни — капитальной монографией «Буддист-паломник у святынь Тибета», в которой обобщил результаты путешествия 1899—1902 гг. В этом труде первым из российских ученых Г.Ц. Цыбиков подробно описал жизнь и быт алашанских монголов, представлявших собою большую группу олетов, живущих в одном из хошунов хошу-цин-вана (князя). Главным занятием алашанских монголов, по данным Г.Ц. Цыбикова, являлось скотоводство, особенно верблюдоводство. При описании быта другой группы монголов — цайдамских — ученый отметил наличие небольших пашен как свидетельство их занятий земледелием. По пути в Тибет он встретил тюркоязычных саларов, исповедующих ислам, и обстоятельно описал их материальную и духовную культуру. В Центральном Тибете Г.Ц. Цыбиков увидел тибетцев, китайцев, кашмирцев, непальцев и монгольских монахов.

Исключительную наблюдательность он проявил при описании тибетцев, их жилищ и домашней обстановки, пищи, семейных обрядов и обычаев. В семейной жизни тибетцев ученый застал полиандрию и полигамию, заметив, что «женитьба нескольких братьев на одной и выход нескольких сестер за одного считается идеалом родственных отношений. Даже во временных связях с женщиной братья имеют одну любовницу а несколько сестер — одного

любовника». Главное занятие тибетцев — земледелие. И только в тех местах, где хлебопашество невозможно (высокогорное плато, узкие долины рек, сильно пересеченная местность), тибетцы занимаются скотоводством.

Книга ученого «Буддист-паломник у святынь Тибета» — первый в мире капитальный труд о Тибете. В предисловии к ней академик С.Ф. Ольденбург писал: «Книга Г.Ц. Цыбикова сохранила весь свой интерес непосредственностью наблюдений жизни тибетского монашества и жизни буддийских паломников в Тибете... Тибет в течение ряда последних лет вместе с большей частью Азии переживает глубокий переворот всей своей жизни, и тем ценнее для нас показания свидетеля, видевшего эту страну еще при самом зачатке этого переворота».

В 1907 г. Г.Ц. Цыбиков опубликовал в Восточном институте учебное пособие по разговорному монгольскому языку, явившееся первым трудом такого рода не только в России, но и за ее пределами. А другая работа профессора — «Пособие к практическому изучению монгольского языка» выдержала во Владивостоке три издания.

Многое сделал профессор для организации в Восточном институте кафедры тибетского языка для постановки преподавания языка, истории и этнографии тибетцев. В 1905 г. им была составлена записка, в которой предлагалось учредить кафедру тибетской словесности: «Я нахожу, что постановка изучения Монголии в Восточном институте не должна пренебрегать вопросом влияния на нее Тибета, а напротив, ей следует обращать постоянное внимание на развитие политических событий в жизни Тибета, поскольку они влияют на жизнь и настроение монголов. Ввиду сего преподавание монголоведения должно соединить с тибетоведением, но, конечно, в такой мере, чтобы второе не служило в ущерб продуктивности первого...» Понадобилось, однако, несколько лет, чтобы получить из Петербурга разрешение ввести вначале преподавание тибетского языка в качестве необязательного курса (с 1907/1908 акад. года) и затем уже учредить кафедру тибетской филологии (с 1914/1915 акад. года).

В 1908 г. Г.Ц. Цыбиков публикует «Пособие для изучения тибетского языка», которое, как и «Пособие к практическому изучению монгольского языка», посвящалось методике изучения разговорной речи. Первая на русском языке «Грамматика тибетского языка», составленная еще в 1839 г. академиком Я. Шмидтом, основное внимание уделяла литературному языку и была малопригодной для подготовки переводчиков. Заслуга Г.Ц. Цыбикова состоит в том, что он первый среди русских и зарубежных тибетологов собрал и обобщил материал по живой тибетской речи и дал краткое, но систематическое описание фонетики и грамматики тибетского языка, которое почти полвека являлось единственным пособием для отечественных тибетологов. Только в 1961 г. появился очерк профессора Ю.Н. Рериха, представляющий собой историческое описание тибетского литературного письменного языка.

Последний крупный труд Г.Ц. Цыбикова, созданный во Владивостоке, — перевод «Лам-рим Чэн-по», сочинения тибетского мыслителя-идеалиста и основателя ламаизма как ветви северного буддизма монаха Цзонхавы (1357—1419). Это сочинение является своеобразным моральным кодексом ламаизма. В предисловии к труду Г.Ц. Цыбиков в сжатом виде изложил историю буддизма и его философии, показал значение нравственно-религиозных идей Цзонхавы.

К сожалению, ученому не удалось довести до конца перевод «Лам-рим Чэн-по», так же, как не удалось написать обещанную Восточному институту

вторую часть «Пособия для изучения тибетского языка». «Тревожные события 1917 г. заставили профессора Г.Ц. Цыбикова уйти из Восточного института и переехать в село Агинское, где жили тогда его родственники. Здесь он работал учителем в скромной деревенской школе и готовил к публикации в Петрограде рукописи своего труда «Буддист-паломник у святынь Тибета», который вышел в 1919 г.

В феврале 1928 г. его приглашают в Иркутский университет на должность профессора педагогического факультета. Но здоровье ученого было подорвано, и он скончался на своей родине в Агинской степи на 58-м году жизни.

Можно только сожалеть о том, что богатое литературное, научное и эпистолярное наследие этого крупного ученого еще недостаточно изучено и не оценено в должной мере. Личный его архив, представляющий большую научную ценность, рассредоточен в нескольких хранилищах, и поэтому далеко не все еще документы учтены, а отдельные из них, попавшие в частные руки, оказались малодоступными для исследователей-востоковедов. Слабо изучен и период жизни и деятельности профессора Г.Ц. Цыбикова после отъезда его из Владивостока в Бурятию.

Хочется подчеркнуть, что самые плодотворные годы творческой научно-педагогической деятельности профессора Гомбожаба Цэбековича Цыбикова были тесно связаны с жизнью Восточного института. Именно здесь созданы его незаурядные труды, здесь им была организована, к сожалению, недолго просуществовавшая лучшая в России кафедра по изучению Тибета. Здесь, в Восточном институте, Г.Ц. Цыбиков был окружен постоянным вниманием и поддержкой друзей и коллег, и многочисленных учеников.

Основные труды профессора Г.Ц. Цыбикова

1. Буддист-паломник у святынь Тибета: По дневникам, веденным в 1899—1902 гг. Петроград: Рус. Геогр. о-во, 1919. 472 с., с ил.
2. Забайкальское бурятское казачье войско: Ист. очерк // Жизнь Бурятии. Верхнеудинск, 1925. №5—6. С.25—29; №9—12. С.38—42.
3. Культ огня у восточных бурят-монголов // Бурятовед. сб. Иркутск, 1927. Вып.3—4. С.63—64.
4. Лам-рим Чэй-по (Степени пути к блаженству): Сочинение Цзонхавы в монгольском и русском переводах. Ч.1. Владивосток. 1913. 312 с.+294 с.
5. О Центральном Тибете // Изв. Имп. Рус. геогр. о-ва. Т.39, вып.3. СПб., 1903. С.187—228, с ил.
6. Пособие для практического изучения монгольского языка. Изд. 3, изм. и доп. Владивосток. 1915. 128 с.
7. Пособие для изучения тибетского языка. Ч.1. Владивосток, 1908. 76 с.
8. Учебник монгольского языка для самостоятельного изучения грамотными по-русски. Верхнеудинск, 1929. 155 с.
9. Цагалган // Бурятияведение. 1927. №3—4. С.71—73.
10. Биографические сведения о наместниках Цзонхавы: Рукопись // Рукопис. отдел Бурят. филиала Сиб. отд-ния РАН. Ф.5. Оп.1. Д.21. Л.20.

Литература о профессоре Г.Ц. Цыбикове

Герасимова К.М. Гомбожаб Цыбиков — исследователь тибетского ламаизма // К столетию со дня рождения проф. Г.Ц. Цыбикова. Об научных трудах. Улан-Удэ, 1976. С.60—69.

Дарижанова Л.Л. Педагогическая деятельность Г.Ц. Цыбикова // Там же. С.134—144.

Доржиев Ж.Д. О профессоре Г.Ц. Цыбикове, по воспоминаниям его земляков // Там же. С.173—181.

Доржиев Ж.Д. Путь ученого. Иркутск. 1973. 32 с.

Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Путь в Тибет. М., 1973. 71 с.

Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. Иркутск. 1990. 236 с.

Кочешков Н.В. Вклад Г.Ц. Цыбикова в этнографию и филологи народов Монголии и Тибета // Рефераты докладов и сообщений. Вып.1. Владивосток. 1973. С.147—156.

Кочешков Н.В. Проблемы этнографии и филологии народов Монголии и Тибета в трудах Г.Ц. Цыбикова // К столетию со дня рождения проф. Г.Ц. Цыбикова. С.85—94.

Михайлов Т.М. Труды проф. Г.Ц. Цыбикова по этнографии бурят // Там же. С.113—122.

Семичов Б.В. Гомбожаб Цыбиков — исследователь Тибета // Там же. С.52—59.

Семичов Б.В. Г.Ц. Цыбиков — исследователь Тибета. Улан-Удэ. 1957. 56 с., портр. ученого.

Тумунов Ж. Гомбожаб Цыбиков в Восточном институте // Байкал. Улан-Удэ, 1972. №1. С.52—54.

Уржанов А.Д. Тезисы лекции проф. Г.Ц. Цыбикова о национальных праздниках бурят // К столетию со дня рождения проф. Г.Ц. Цыбикова. С.200—205.

Цыдендамбаев Ц.Б. Жизненный путь профессора Г.Ц. Цыбикова // Там же. С.6—44.

Цыбиков Гомбожаб Цэбекович // Большая советская энциклопедия. Изд. 2. М., 1957. Т.47. С.6.

ПРОФЕССОР ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШМИДТ

Петр Петрович Шмидт (1869—1938) — известный российский синолог и маньчжуровед, профессор Восточного института и Латвийского государственного университета. Родился в небогатой помещицкой семье. После окончания Рижской гимназии поступил в Московский университет, откуда впоследствии переходит в Петербургский университет, где изучает китайскую и маньчжурскую филологию.

Успешно окончив университет, П.П. Шмидт поступает в распоряжение министерства иностранных дел и вместе со своим другом и коллегой А.В. Рудаковым направляется в Пекин. Там П.П. Шмидт работает одновременно и в посольстве России, и в Пекинском университете, продолжая систематически изучать китайский и маньчжурский языки.

Основной и самый важный период деятельности ученого связан с пребыванием его во Владивостоке. Сразу же после «боксерского восстания»

П.П. Шмидт уезжает из Пекина и в течение 20 лет работает в Восточном институте, возглавляя кафедру китайского, маньчжурского и монгольского языков, а с осени 1918 г. становится директором института.

С самых первых лет работы в Восточном институте П.П. Шмидт с головой окупился в любимое дело. Пять лет жизни и работы в Китае не прошли для него зря. Он сумел тщательно изучить все диалекты китайского и маньчжурского языков, ознакомился с языком зарубежной группы нанайцев-киланов, близким к маньчжурскому языку.

Преподавание китайского и маньчжурского языков в Восточном институте профессор начал с подготовки пособий по этим языкам и прежде всего по китайскому. За два года он написал несколько книг для чтения, хрестоматии по китайскому языку, которые впоследствии объединил с монографией «Опыт мандаринской грамматики». Эта монография стала основой его магистерской диссертации, которую ученый успешно защитил первым из преподавателей Восточного института.

Шмидта интересовала история изучения китайского и маньчжурского языков в Западной Европе. Он тщательно собирал материалы в течение многих лет, а затем выступил с большим научным докладом на конференции преподавателей Восточного института 9 февраля 1908 г., а в следующем году опубликовал по этому вопросу статью «Изучение Китая за границей».

Ученый много занимался сложными проблемами классификации языков — морфологической, генеалогической, типологической. Как известно, на Дальнем Востоке России проживают разные в языковом отношении народы тюркской, тунгусо-маньчжурской, палеоазиатской, эскимосо-алеутской языковых семей, а также народы, языки которых стоят как бы вне языковой классификации (например, корейский и айнский). Естественно, проблема культурных, этногенетических, языковых связей народов всегда волновала серьезных исследователей.

Эта проблема очень заинтересовала и П.П. Шмидта. В 1908 г. он на средства Общества изучения Амурского края совершает поездку на Амур в места расселения тунгусо-маньчжурских народностей. Им были собраны ценные лингвистические и этнографические материалы о нанайцах, ульчах, ороках, удэгейцах, негидальцах. Эти материалы были положены ученым в основу предварительной классификации тунгусо-маньчжурских народностей Амура и их языков.

В отличие от предшествующей классификации академика Л.И. Шренка и других исследователей XIX в., П.П. Шмидт подразделяет народности Амура на две основные группы: маньчжурскую и тунгусскую. К первой он относит собственно маньчжуров и нанайцев, язык которых считается диалектом маньчжурского языка, а также орочей и удэгейцев, негидальцев же и ороков он определил в тунгусскую группу. П.П. Шмидт не согласен с выводами Л.И. Шренка о том, что родиной нанайцев был Уссурийский край. «Я не сомневаюсь, — писал он, — что всю Восточную Сибирь и весь бассейн Амура занимали палеоазиатские народы. К югу от них непосредственно жили корейские племена, которые я причисляю также к палеоазиатам. Этот факт подтверждается археологией и фактическими данными. Во всяком случае нет причины искать родину тунгусо-маньчжурского пранарода в нынешней Маньчжурии», По его мнению, прародиной тунгусо-маньчжурских народностей является территория бассейна реки Селенги. Отсюда, считает П.П. Шмидт, некоторые географические названия имеют тунгусо-маньчжурское происхождение.

Профессор Шмидт во Владивостоке и революцию, и закрытие Восточного института, и много житейских невзгод. Еще в 1918 г. американские коллеги по работе в Пекинском университете — профессора Б.Лауфер и Н.Бутлер приглашали Шмидта как прекрасного знатока китайского и маньчжурского языков в Колумбийский университет на кафедру китайского языка. Но тревожные вести с родины — Латвии — постоянно беспокоят его. И как только профессор узнает о провозглашении независимости Латвийской Республики, все его помыслы направлены на скорейшее возвращение домой. Летом 1920 г. на пароходе «Дания» он вместе с латышскими беженцами покидает Владивосток.

В 1920—1938 гг. вся деятельность профессора связана с Латвийским государственным университетом, где он читает курсы лекций по введению в языкознание, сравнительному языкознанию и китайскому языку.

В этот период ученый не оставляет своих занятий по тунгусо-маньчжурским языкам: он готовит к изданию целую серию очерков по языкам народностей Амура. В 1923 г. выходят его очерки по языку негидальцев и языку ульчей; в 1927 г. — работа по языку орочей и очерк «Язык самагиров». В 1932 г. П.П. Шмидт публикует в Лейпциге на немецком языке крупную монографию «Китайские элементы в маньчжурском языке», где обобщил свои исследования в области алтайских языков, используя в качестве сравнительного материала данные других языков.

Обширное научное наследие П.П. Шмидта не ограничивается большим количеством изданных трудов. Он оставил богатый рукописный фонд, который хранится в Государственной библиотеке Латвии в отделе редкой книги. Свою богатую библиотеку профессор подарил Латвийскому государственному университету, завещая продолжить его исследования не только в области фольклора народов Прибалтики (чем он занимался в последние годы жизни), но и в деле изучения китайского, маньчжурского и других восточных языков.

Оценивая научную и педагогическую деятельность профессора Петра Петровича Шмидта, следует отметить, что формирование его, как крупного ученого — сиолога и маньчжуриста, связано с Владивостоком, с Восточным институтом. Здесь он получил возможность собрать ценнейшие материалы по культуре народов Дальнего Востока, здесь опубликовал свои фундаментальные труды, здесь зародились и сформировались основные научные гипотезы и теории. Труды ученого не утратили своего значения в настоящее время, а его обширное научное наследие требует специального исследования.

Основные труды профессора П.П. Шмидта

1. Вступительная лекция по маньчжурскому языку, читанная в Восточном институте в 1907 году. Владивосток, 1907. 10 с.
2. Звуковые изменения в маньчжурском и монгольском языках // Журнал Пекинского общества востоковедения. Пекин, 1898. Т.4.
3. Изучение Китая за границей // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1909. Т.29, вып.3. С.1—16.
4. Китайская хрестоматия для первоначального преподавания // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1902. Т.2, вып.1. С.1—40.
5. Китайские классические книги // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1901. Т.1, вып.3. С.269—300.

6. Китайские элементы в маньчжурском языке // Азия Майор. Лейпциг, 1932. Т.7, ч.4. С.573—628; Т.8, ч.1—2. С.233—276; Т.8, ч.3. С.353—436. Нем. яз.
7. Конспект лекций по политической организации Китая. Владивосток, 1911. 63 с.
8. Лекции по китайскому языку за 1899—1900 акад. год. Владивосток, 1901.
9. Лингвистическое введение изучения китайского языка // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1902. Т.2, вып.4. С.350—4—3.
10. Начальные чтения по китайскому языку. Владивосток, 1901. 208 с.
11. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений: Ч.1—3. Лингвистическое введение в изучение китайского языка. Владивосток, 1915.
12. Покорение Албазина: Маньчжур. текст для 3-го курса кит.-маньчжур. отд-ния Вост. ин-та. Владивосток, 1906—1907. 46 с.
13. Судьба фань дэ: Повесть Цзинь-гу ци гуань // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1909. Т.29, вып.4.
14. Учебник маньчжурского языка // Известия Восточного ин-та. Владивосток, 1908. Т.18, вып.1. 41 с.
15. Этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1915. 30 с.
16. Язык негидальцев // Зап. Латвийского университета. Рига, 1923. Т.5. С.3—38.
17. Язык ольчей // Зап. Латвийского университета. Рига, 1923. Т.8. С.229—288.
18. Язык орочей // Зап. Латвийского университета. Рига, 1928. Т.19. С.17—62.
19. Язык самагиров // Зап. Латвийского университета. Рига, 1929. Т.20. С.1—23.
20. Языковедение: Лекции, читанные студентам историко-филологического факультета. Владивосток, 1919.

Литература о профессоре П.П. Шмидте

Алексеев В.М. Наука о Востоке: Ст. и документы. М., 1982. С.64—65, 165—167, 227—228.

Сем Л.И. Вклад П.П. Шмидта в изучение культуры народов советского и зарубежного Дальнего Востока // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.) Владивосток, 1978. С.100—108.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. С.16—22, 358.

**Автор материалов доктор исторических наук,
профессор Н. В. КОЧЕШКОВ**

SUMMARY. The selection of materials by Doctor of Historical Sciences N. Kocheshkov «They Were the First Ones...» consists of extended biographical information about scientific activity of a number of Far Eastern Scientists — ethnographers, orientalists, archaeologists who worked in the Far East and in Vladivostok before 1917. The author describes work, destiny, scientific achievements of some scientists in the Far East during the pro-revolutionary period.